

потоков (организованных и неорганизованных туристов), потребляющих туристические услуги и формирующих доходы принимающей территории [3].

Заключение. Результаты исследования позволяют заключить, что в Республике Беларусь менеджмент рассматривается как один из ключевых инструментов реализации НСУР-2035 и достижения целей, установленных в Повестке дня ООН до 2030 года. Важнейшим направлением является модернизация системы государственного управления, направленная на повышение эффективности, устойчивости и клиентоориентированности государственных органов. Предполагается реализация управленческих функций в социальной, экономической и экологической сферах для обеспечения сбалансированного улучшения качества жизни населения и сохранения природных ресурсов.

Также выявлено свидетельство о комплексном подходе к обеспечению устойчивого развития Республики Беларусь, включающем меры по диверсификации финансирования экономики, совершенствованию бюджетно-финансовой политики, развитию рынка ценных бумаг, укреплению межбюджетных отношений и оптимизации управления туристическими потоками. Во всех указанных сферах ключевую роль играет эффективное применение управленческих инструментов, направленных на достижение поставленных целей и повышение устойчивости различных аспектов социально-экономического развития страны.

1. Национальный обзор Беларуси о выполнении Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года. Постоянное представительство Республики Беларусь при Отделении ООН и других международных организациях в Женеве: [сайт] – URL: <https://geneva.mfa.gov.by/ru/embassy/news/c0b18652804f0f17.html> (дата обращения 28.08.2025).

2. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija-na-sajt.pdf> (дата обращения 29.08.2025).

3. Янкевич, Е. М. Воздействие туристических потоков на уровень социально-экономических эффектов региональных дестинаций / Е. М. Янкевич // Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий : материалы VII междунар. науч.-практ. интернет-конф., Вологда, 11–13 мая 2022 года. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2022. – Ч. 1. – С. 340–343.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ ВОЙНАМ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Печура А.Ю.,

студентка 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Ивашкевич Е.Ф., канд. пед. наук, доцент

На рубеже XX–XXI веков произошла массовая компьютеризация, а новые технологии стали активно внедряться во все сферы общественной жизни. Сегодня любое государство, претендующее на значимую роль в мировой политике, не может обойтись без развития информационно-коммуникационных технологий, которые служат основой для укрепления его позиций на международной арене. Вместе с тем, наряду с очевидными преимуществами, научно-технический прогресс порождает новые угрозы безопасности как отдельных стран, так и всего мирового сообщества. Растёт осознание уязвимости информационной среды, что подтверждается, в частности, возникновением такого явления, как «информационная война». Цель исследования – охарактеризовать международно-правовые основы противодействия информационным войнам как одного из условий обеспечения международной информационной безопасности.

Материал и методы. Материалом исследования послужили международные правовые акты и соответствующее проблематике национальное белорусское законодательство и ряда зарубежных стран. Основные методы – сравнительно-правового и конкретно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Информационное воздействие на личность, общество, государство, мировое сообщество является неотделимой частью современной реальности. Важно учитывать, что защита информации на глобальном уровне и внутри государства имеет свои особенности, аналогично различиям между международным и наци-

ональным законодательством. А. Лукацкий поясняет, что, рассуждая о международной информационной безопасности, мы в первую очередь имеем в виду «свод вопросов, касающихся цифрового суверенитета, управления Интернетом, международного сотрудничества и т.п.» [1].

Идея целесообразности использования норм МГП применительно к войне информационной, хоть и выглядит привлекательно, при более пристальном изучении оказывается надуманной, что определяется спецификой информационного воздействия, которое обладает следующими характерными чертами: «информационную войну», как правило, не объявляют; целью атаки становится как компьютерная сеть, так и социально-политическая система; важной составляющей являются семантические атаки, вводящие противника в заблуждение посредством воздействия на него информации; имеет место относительная безответственность распространителей информации, обусловленная сложностью локализации и установления личности нарушителя; сложна процедура доказывания вины нарушителя; все существующие на данный момент средства борьбы с информационными угрозами отстают в развитии от интенсивно формирующихся способов воздействия на целевые объекты.

Как поясняют В.В. Кихтан и З.Н. Качмазова, в процессе информационной войны на объекты защиты производятся «интегрированные и динамические атаки», т.е. «воздействию может подвергаться один или сразу все элементы». «Если мишенью предстают данные, то атакующее воздействие может приобретать следующие формы: отказ в получении данных; атаки на системы, содержащие данные, стирание данных; физическое уничтожение накопителей данных; кража данных с последующим их манипулированием для реализации преследуемых целей» [2].

Хотя аналогия применимости норм МГП и права вооруженных конфликтов к информационной войне неубедительна, она, безусловно, не только явилась изощренным способом привлечения внимания теоретиков и практиков к проблеме активного информационного противоборства, но и вынудила признать факт утверждения в современной политико-правовой практике новой категории «информационная война», наряду с уже имеющимися – «война», «холодная война». Можно согласиться лишь с использованием категории «информационная война» в контексте политического противоборства государств и, в этой связи, с применением понятия «театр военных действий» в отношении информационного пространства [3]. Идея «информационной войны» вошла в политический и медийный обиход гораздо раньше: И.Н. Панарин утверждает, что впервые термин был упомянут в 1967 г. в книге А. Даллеса «Тайная капитуляция» [4]; а В.В. Кихтан и З.Н. Качмазова полагают, что термин был впервые использован в докладе Т. Рона «Системы оружия и информационная война» в 1976 г. [5].

К сожалению, политические амбиции и конфликт интересов ведущих держав до сих пор препятствуют достижению компромисса в формулировании универсальных организационно-правовых средств обеспечения безопасности международного информационного пространства. Так, до сих пор не выработано единообразного определения понятия «информационная война». Г. Вирен считает, что «информационная война – это комплекс мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных воздействий» [3]. В.В. Кихтан и З.Н. Качмазова представляют информационную войну как конфликт репутаций между различными коалициями [2]. М. Либики, один из исследователей искомой категории, понимает под информационной войной воздействие, направленное на манипулирование, искажение и опровержение информации [6]. Он также выделяет 7 форм информационного воздействия: 1) командно-управленческая; 2) разведывательная; 3) электронная; 4) психологическая; 5) хакерская; 6) экономико-информационная; 7) кибервойна.

Профессор Н.И. Костенко выявил 3 подхода к пониманию феномена информационной войны: 1) информационная война имеет исключительно военный характер и применяется только в боевых действиях; 2) информационная война – это явление, сопутствующее человеку со времен общинно-племенного строя; 3) информационная война суть

информационно-пропагандистские операции. Третий подход, как более комплексный, гораздо точнее отражает реалии современных внешних и внутренних отношений обществ и государств. В национальной и зарубежной правовой науке использование понятий «информационная война» и «кибервойна» различно: за рубежом чаще всего встречается термин «кибервойна» (Cyber Warfare), в национальной – «информационная война».

Резолюция 74/247 «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» ООН (2019 г.) включает только правила, одобренные Группой правительственных экспертов ООН по международной информационной безопасности в 2015 году [11]. Основной целью документа является мирное использование глобального информационного пространства, предотвращение военного использования информационных технологий. В свете вышеизложенного можно было бы предложить к обсуждению нижеследующие пути противодействия потенциальному внешнему информационному воздействию. 1. Учитывая закономерности ведения войны, не только физической, с прямым использованием вооруженных сил, но и «холодной войны», а также характерные тенденции гонки вооружений, разработать средства, обеспечивающие защиту государства в международном информационном пространстве (как прямо, так и гипотетически), например, оптимизировать мероприятия по разработке программ, не только обеспечивающих кибероборону жизненно важных объектов, но и, в случае необходимости, «атакующих». 2. Создать при ООН совещательный орган, уполномоченный рассматривать и формулировать проекты решений по проблемам информационной безопасности. Заместитель директора Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО Е.С. Зиновьева сообщает о предложении РФ по формированию Группы открытого состава ООН, призванной стать «площадкой» для обсуждения направлений дальнейшего сотрудничества в целях обеспечения международной информационной безопасности [11]. Ранее, до 2017 г., в рамках ГА ООН функционировала созданная благодаря российским инициативам Группа правительственных экспертов ООН.

Заключение. Таким образом, информационные войны кардинально трансформировали пространство современных международных отношений, создав принципиально новую, гибридную угрозу мировому сообществу. Информационное противоборство государств могут наносить значительный ущерб национальной безопасности и суверенитету других стран, не пересекая их границ с войсками и не объявляя официальную войну. Они становятся ключевым инструментом гибридной войны, позволяя державам-соперницам эффективно бороться за влияние в глобальном масштабе.

На данный момент очевидна необходимость международного механизма, способного оптимизировать переговорный процесс в исследуемой сфере и компетентно оценивать поступающие предложения по «оздоровлению» обстановки в информационном пространстве, способствовать широкому распространению на внутригосударственном уровне аналитических ситуационно-кризисных центров обработки данных, поступающих через открытое информационное пространство, наделение их новыми функциями с целью расширения функциональности. В штат таких учреждений можно включить специалистов по созданию «киберпреград» активного свойства, способных разработать программы, атакующие субъектов несанкционированного доступа. С этой целью на базе ведущих вузов государств необходима подготовка кадров для защиты национальной и международной информационной безопасности. Ввиду того, что деятельность в указанном направлении требует серьезной подготовки в сфере информатики, программирования и компьютерной безопасности, юриспруденции, политологии, экономики, военной стратегии, национальной безопасности и проч., для преподавания в таких подразделениях следует привлекать теоретиков и практиков всех указанных и иных соответствующих областей.

Важным является и международное сотрудничество с целью передачи опыта в области практических мероприятий по обеспечению стабильности и защищенности государственных интересов в информационном пространстве. Приоритетным направлением государственной информационной политики безусловно является содействие развитию информационной грамотности у пользователей, включающей не только способность

использовать широкие «просторы» киберпространства, но и устойчивость к информационным манипуляциям и воздействию на сознание. Для реализации данной цели недостаточно включения курсов информационной безопасности в образовательные программы вузов даже для непрофильных специальностей. Необходимо участие специально подготовленных психологов, помогающих целевой аудитории осознать персональные уязвимости перед манипуляционными технологиями.

1.Лукацкий, А. В международной ИБ грядет передел / А.В. Лукацкий. – URL: https://www.securitylab.ru/blog/personal/Business_without_danger/135155.php (дата обращения: 22.08.2025).

2.Кихтан, В. В. Информационная война: понятие, содержание и основные формы проявления / В. В. Кихтан, З. Н. Качмазова // Вестник ВУиТ. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-ponyatie-soderzhanie-i-osnovnye-formy-proyavleniya> (дата обращения: 25.08.2025).

3.Вирен, Г. Современные медиа: Приемы информационных войн / Г. Вирен. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 126 с. – URL: http://www.panarin.com/comment/16/?sphrase_id=9391 (дата обращения: 10.09.2025).

4.Панарин, И.Н. Информационная война: крепкий щит и острый меч / И.Н. Панарин. – URL: http://www.panarin.com/comment/16/?sphrase_id=9391 (дата обращения: 10.09.2025).

5.Гриняев, С. Концепция ведения информационной войны в некоторых странах мира / С. Гриняев. – URL: http://www.soldiering.ru/psychology/conception_psywar.php (дата обращения: 15.09.2019).

6.Либики, М. Что такое информационная война? / М. Либики. – URL: <https://pluriversum.org/opinion/strategy/chto-takoe-informatsionnaya-vojna/> (дата обращения: 07.09.2025).

7.Ксенофонтов, В. А. Стратегии информационного противоборства в гибридной войне / В. А. Ксенофонтов // Интерпретационное насилие над исторической памятью и формирование культуры политического мышления: материалы междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 29 октября 2021 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. – с. 76-78. – URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/29913> (дата обращения 24.07.2025).

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОВОЙ СТАТУС» ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА КАК СУБЪЕКТА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Пустовая Н.П.,

*аспирант 1 года обучения Академии управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь*

Научный руководитель – Князев С.Н., доктор юрид. наук, профессор

Ключевые слова. Правовой статус, государственный орган, компетенция, полномочия, публично-правовые отношения.

Keywords. Legal status, government agency, competence, powers, public law relations.

Правовая наука фиксирует различные подходы относительно категории «правовой статус». Множество научных исследований в отношении понимания правового статуса государственного органа имеется в работах белорусских и зарубежных учёных Г.А. Василевича, А.И. Курака, А.Н. Крамника, И.И. Маха, Л.М. Рябцева, С.А. Авакьяна, М.В. Алексеевой, Д.Н. Бахраха, А.С. Пиголкина, Ю.Н. Старилова, М.Б. Смоленского и других. Дискуссионность и многоаспектность данного вопроса предполагает необходимость дальнейшего его теоретического осмысления, целью которого является раскрытие сущности правового статуса государственного органа и выявление его составных компонентов. В работе автором используются системно-структурный, формально-юридический, логический методы исследования.

Материал и методы. Материалами исследования являются научные публикации белорусских и российских авторов по теме исследования. Методологию исследования составили общие и частные методы научного познания, в том числе, методы системного анализа, сравнительного анализа, логический, аналитический, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Термин «статус» (от *лат.* status – состояние, положение) в юридической литературе используется для определения правового положения, т.е. совокупности прав и обязанностей физического или юридического лица. Авторами отмечается, что «правовой статус характеризует положение субъекта по отношению к другим субъектам, т.е. органам, организациям, гражданам» [1, с. 187]. Под правовым статусом некоторые авторы понимают «правовой режим», «административный режим»,